

УДК 811.114

КОНЦЕПТЫ В НАРРАТИВАХ СЕМЕЙНОГО РОДОСЛОВИЯ

В. К. Харченко
А. А. Сафонова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Harchenko@bsu.edu.ru
safonova@bsu.edu.ru*

Характеризуется своеобразие концептосферы семейных родословных в их повествовательных фрагментах, микронарративах. На материале текстов сочинений «История моей семьи» описывается репрезентация таких концептов, как «знакомство», «праздник», «раскулачивание», «война» и др. Выявляются общие, жанрообразующие признаки нарратива семейного родословия.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, нарратив, война, колхоз, раскулачивание

Введение

По характеристике академика Д.С. Лихачева, благодаря которому термин «концептосфера» получил мощный импульс развития и использования, концептосфера национального языка – это «концентрат культуры» [1, с. 9], своего рода каталог умственного богатства нации. В самое последнее время в русистике наметилось и такое направление, как динамическая лингвокультурология. «Русская динамическая лингвоконцептология – новое направление лингвокультурологии, сверхзадача которого – на основе исследования текущих изменений в концептосфере русского языка фиксировать основные тенденции эволюции русского языкового сознания в целом» [2, с. 359]. Терминологическое понятие концептосферы стало употребляться в двух ипостасях. Концептосфера есть не что иное, как совокупность всех вербализируемых в том или ином языке концептов, что идеально соответствует метафорической семантике корня СФЕР-, «покрывающей весь язык». И (в силу отсутствия другого термина, например: «концептогруппа», «концептосистема») как терминологическое обозначение любой совокупности концептов, например: концептов, свойственных тому или иному художественному тексту, или в целом идиостилю писателя, или в целом жанру. Именно в таком, «жанровом», значении мы будем использовать термин «концептосфера» применительно к жанру внутрисемейного родословия.

Основная часть

Исследование особенностей концептосферы семейного родословия осуществлялось в работах В. К. Харченко [3; 4; 5], Н. Н. Рухленко [6] и др. Однако «концептосферное» направление в анализе текстов сочинений «История моей семьи» таит в себе ещё немало неисследованных аспектов, в частности такой неисследованный аспект, как «концепт и нарратив». Это отнюдь не исследование концептосферы в общем блоке семейных родословных, что при использовании собственной параметрической методики предпринято в исследовании А. А. Павловой [7], а изучение «всего лишь» группы концептов, задействованных непосредственно и только в нарративной части (частях, фрагментах) общего «родословного текста».

Получающий всё большее распространение в современной лингвистике и, в частности, русистике термин «нарратив» мы истолковываем в традиционном, классическом ключе как повествование, противопоставляя его другим типам текста: описанию и рассуждению, которые также широко представлены в текстах семейного родословия. «Нарратив в современном понимании – это повествование, закрепляющее опыт познающего субъекта в форме дискурса. Суть нарративного высказывания заключается в сопряжении излагаемых событий, между которыми устанавливается при-

чинно-следственная связь. В нарративе не только излагаются события, но и систематизируются причинно-следственные связи событий» [8, с. 33].

Следует оговорить, что сам жанр свободного, «любительского» рассказа об истории рода, семьи – это тоже своего рода законченный нарратив, и он вполне убедительно тоже может быть истолкован как повествование. Вместе с тем в текстах сочинений немало фрагментов, построенных по принципу включения: рассказ в рассказе, которые выступают как выразительные нарративы второго уровня, которые можно назвать микронарративами. Ранее мы использовали термин «биографемы» [9]. Именно они и являются предметом настоящего исследования, формируя такую цель, как изучение сюжетообразующего своеобразия микронарративов.

Исследование проводилось нами на материале личного архива [10], насчитывающего около полутора тысяч единиц хранения (текстов сочинений а тему «История моей семьи»).

Соотношение: концепт и тип текста в жанре семейного родословия бывает весьма характерным. Для некоторых концептов характерно преобладание нарратива («знакомство», «раскулачивание», «колхоз», «война»), для других – преобладание описания («дом», «праздник», «песня»), при вербализации третьих имеет место, происходит смена регистра: с описания и/или нарратива на рассуждение («характер человека», «семья»).

Ранее мы уже рассматривали такие концепты, как «праздник», «счастье», «знакомство», «музыка». Представим некоторые ранее полученные результаты анализа, после чего продолжим свой анализ, включив несколько новых концептов: «раскулачивание», «голодомор», «колхоз», «война» и др.

Нарративы, которыми репрезентирован такой концепт, как «знакомство», целесообразно разбить на группы, сформированные на основе различий между поколениями. Это текстовая реализация концепта «знакомство» применительно к поколению а) прабабушек-прадедушек; б) бабушек-дедушек; в) родителей, г) детей. В последнем случае «героями» микросюжета выступают непосредственные авторы сочинений. При этом преобладают фрагменты рассказов о знакомстве бабушек-дедушек, несколько реже фрагменты первой и третьей групп (четвёртое и второе, родительское, поколения семьи). Знакомство – сюжетообразующий концепт рассказа, и авторы работ обычно не утаивают известных им историй.

Проанализировав ряд примеров из текстов семейных родословных, в которых репрезентируется концепт «счастье», мы пришли к выводу о том, что фокусами, «точками», механизмами счастья в текстах семейных родословных выступают достойные родители; уютный дом; дети / сын; семья; свадьба; счастье детей.

В ходе исследования концепта «песня» было выявлено позитивное начало песенного творчества. Посредством музыки выражается эмоциональный настрой как одного человека, в частности, так и целой семьи. Позитивный настрой характеризует и репрезентантов концепта «праздник», хотя здесь представлено, повторим, чаще описание праздника, нежели повествование о нём.

Обратимся к группе концептов, вербализация которых обусловлена историей страны – не только семьи и судьбы. В «довоенной» части повествования о судьбах семьи это репрезентация таких концептов, как «раскулачивание», «голодомор», «колхоз».

Концепт «колхоз» в семейном родословии тесно связан с концептом «раскулачивание». Эти концепты соположены в микронарративах семейного родословия. *Родители Георгия были зажиточными крестьянами, и в период раскулачивания их сослали в Сибирь, а дедушку вместе с тремя старшими сестрами оставили жить в родительском доме (Р. Зорин). Сразу после его смерти нашу семью раскулачили. Сняли железную крышу, разобрали все сараи, забрали весь скот и хлеб. Выселение не состоялось только потому, что в семье было 6 маленьких детей (О. Бондарь).*

Концепт «раскулачивание» может лишь косвенно всплывать в микронарративе, но при этом играть немаловажную роль. Так фраза «Ее опознали по красной юбке,

которую она взяла себе, когда раскулачивали семью», которой подытоживается микронарратив, несет в себе основную смысловую нагрузку и раскрывает границы нарратива, открывая печальную страницу семейной летописи. *Все произошло зимой в 38 году. Ночью Анна проснулась от шума, людских криков и треска огня. Кто-то выбил стекло в окне, и её с детьми вытащили из горящего дома. Через дверь пройти было нельзя, т.к. с другой стороны поставили подпорку, чтобы семья не выбралась. Соседский мальчик болел, часто не спал по ночам, поэтому он увидел, как подожгли дом и, что самое главное, кто это сделал. Виновицей была колхозная активистка, очень завидовавшая бабушке. Ее опознали по красной юбке, которую она взяла себе, когда раскулачивали семью* (А. Стародубцев).

Концепты «раскулачивание», «голод», «колхоз» в семейном родословии образуют единый блок и усиливая трагичность подтекста, «умолчания».

В 1933 году был страшный голод в Поволжье... Семья вынуждена была продать дом по дешёвке (Е. А. Климчук). *Помнит бабушка и голод 1933 года, когда люди, особенно беспризорники, умирали с голоду прямо на улице* (А. Н. Чернявский). *1949 год был тяжёлым для всей страны. От голода в их семье умерли два младших брата* (О. Д. Несветаева). *Мама моя вспоминает, какой голод был после войны. В хозяйстве осталась одна корова, но и её заставили сдать в колхоз. Дедушка с бабушкой плакали, когда корову уводили со двора. В деревне без коровы прожить очень трудно, а ведь надо шестерых детей кормить* (О. А. Бондарева). *Моя бабушка в 1931 году была ещё маленькая, но она помнит, как пришли чужие люди, вынесли из дома добро, увели лошадь, корову. После этого прадеду пришлось вступить в колхоз. Работать плохо он не умел, и в 1939 году его как хорошего работника наградили поездкой на ВДНХ* (О.Н. Атаманенко). *Во время коллективизации в тридцатых годах, как во многих семьях того времени, старшие сыновья все стояли на противоположных позициях относительно колхозов. Старший сын боролся за создание колхоза, а другой был против, и враждебное отношение их друг к другу осталось до конца жизни* (Ю. М. Гридчина). *Помню, придя домой, за ужином я сказала своим родителям: «Вот я знаю, что мой прадед Иван умер от ран в 1945 году. А вот кто был его отец, твой дед, мама? А твой прадед? А твой, папа? И вообще, с кого начался наш род?» Папа усмехнулся: «Куда загнула! Я тебе скорее отвечу, кто был прадедушка Пушкина. А о своём деде я знаю, что он умер в голодомор в 1933 году на Полтавщине* (Е. Н. Сергеева).

При накапливании подобных фрагментов семейного родословия обнаруживается большое сходство в передаче сюжетов голода, смерти, раскулачивания, создания колхозов. Например, использование неопределённо-личных предложений с глаголами: *пришли, забрали, увели*. Факт смерти от голода исключает описание подробностей жизни, характера умершего. Такое «умолчание» отражает трагедию целых поколений. Микрофрагменты родословных оборачиваются коллективно написанным учебником отечественной истории с весьма неоднозначными оценками.

Так, например, концепт «колхоз», в плане языкового отражения микронарративов в семейном родословии оказываясь весьма частотным, вызывает у «коллективного автора текста» и позитивные ассоциации, и нейтральные, неочечные, и – на порядок чаще! – негативные.

Она проработала в колхозе звеньевой более тридцати лет. К каждому новому празднику колхоз давал продукты, и молодые люди отмечали их радостно и весело (О. Ревчук). Здесь представлено позитивное восприятие работы в колхозе. Есть фрагменты, где вербализаторы концепта «колхоз» выступают как неочечные, сдержанные, нейтральные. *Моя бабушка Антонина Никифоровна 1912 года рождения осталась одна и воспитывала моего папу и его младшего брата, работала она в колхозе* (Т. Г. Кандаурова).

Вместе с тем, как частично уже было продемонстрировано выше в связи с концептами «раскулачивание» и «голод», в текстах семейного родословия концепт «кол-

хоз» становится символом, синонимом насилия, как, например, в следующем отрывке. *Весенней ночью, приехали люди из Петрозаводска и арестовали Дмитрия, а так же кроме него 13 человек из деревни. В НКВД прадедушку расстреляли. Забрали коров, лошадей, овец, мельницу и дом, все было отдано в организованный в 34 году колхоз «Красный ударник» (А. Стародубцев).* В нарративе представлен трагичный и, что значимо, типичный эпизод из жизни одной из очень многих семей, которых постигла подобная участь. Во многих микронарративах запечатлены свидетельства физической или психологической стойкости, героизма родственника.

Ещё более трагичен и памятен в нарративах семейного родословия концепт «война».

Когда Зое было восемнадцать лет, началась Великая Отечественная война. Немцы оккупировали станицу, но Зое удалось бежать и стать партизанкой. Потом она попала на фронт. Там Зою Ковалеву судьба свела с моим прадедушкой Ивановым Николаем Петровичем (Р. Зорин). В данном контексте концепт «война» не только несет в себе негативное начало, но и взаимодействует с концептом «знакомство», который выражен фразеологическим оборотом *судьба свела*.

В 1942 году в село пришли немцы. Они ходили по дворам и отбирали у местных жителей всё, что можно было отобрать. Однажды они пришли в дом к бабушке. Увидев кур, они стали требовать от бабушки яйца. Бабушка отказали им. Тогда они стали жестоко избивать ее. Кое-как бабушка вырвалась и выбежала во двор. Когда она бежала через двор, то провалилась в яму, вырытую для погребца. В это время над ее головой просвистели пули. Вот так волей судьбы она избежала смерти (Т. Н. Пальникова).

Повествуя о трагических событиях, авторы родословных нередко используют и ядерные компоненты концепта «судьба», в частности фразеологизмы: *волей судьбы она избежала смерти* или *судьба свела с моим прадедушкой*. В русской лингвокультуре концепту «судьба» посвящено значительное количество исследований. А. Вежбицкая отмечает уникальность данного концепта и распространенность его репрезентаций как в повседневном речевом общении русских, так и в произведениях русской классической и народной литературы [11, с. 33]. А. Д. Шмелев полагает, что слово «судьба» не случайно оказывается одним из самых характерных слов русского языка, так как оно соединяет в себе две ключевые идеи русской картины мира: идею непредсказуемости будущего и представление, согласно которому человек не контролирует происходящие с ним события [12, с. 455 – 456]. Такая трактовка не чужда и текстам семейного родословия, хотя она нередко оказывается имплицитной, как в следующем микронарративе. *Бабушка часто рассказывала, как она однажды пошла за водой в колодец, в это время налетели немецкие самолеты и стали бомбить село. Один самолет опустился низко над колодцем, где под срубом сидела бабушка, он так низко пролетел, что взгляд моей бабушки и немецкого солдата встретились, и неизвестно, почему фриц не расстрелял бабушку, а улетел (В. Н. Дорошева).*

Концепт «война» трагичен в самой своей основе, но в повествование вплетаются подчас и новые сюжетные нити, за счет которых выявляются и новые смыслы. *Но вдруг сквозь темные свинцовые тучи адской жизни пробился солнечный лучик, который озарил ее. В это трудно поверить, но она полюбила. Он был немецким солдатом, который, в тайне от своего командования, приносил ей в барак сигареты, сладости и кое-какую еду. Так продолжалось 3 года. В 1945 год, узнав о романе немецкого солдата и русской пленницы, возлюбленного бабушки расстреляли. Узнав об этом она, будучи беременной, потеряла ребенка. С тех пор она так и не вышла замуж, и у нее не было детей (О. Ерохина).*

Мы не случайно, предваряя фрагмент родословной, упомянули о новых смыслах. Особенно в части повествования о неоднозначных, роковых, трагических событиях родословные подтверждают такое важное свойство нарратива, как «его «объяснительность». Говорящий воспринимает нарратив как средство придания смысла или

осмысления действительности. С помощью нарратива человек осмысливает наиболее широкие, дифференцированные и сложные контексты своего опыта. Нарративы не репрезентация, а специфический способ конструирования и установления реальности. <...> На уровне нарратива обнаруживаются такие культурные связи, которые иным способом трудно выявить» [8, с. 33].

Микронарратив, репрезентирующий концепт «война», может вместить в себя всю человеческую жизнь. Происходящие с человеком события в таких экстренных условиях закаляют человеческий характер и становятся, как правило, примером для подражания, прежде всего, для автора текста. *Но что пришлось перенести этой хрупкой, маленькой женщине! Первая мировая война, революция, Вторая мировая война. В 1942 ее с детьми чуть было не повесили немцы как жену председателя колхоза и коммуниста. В 1943 году с фронта вернулся чуть живой, весь израненный старший сын, в 1944 году коммунисты репрессировали мужа. Говорят, характер у бабушки был как сталь, жизнь учила ее быть сильной* (Л. Н. Науменко).

Нестандартные и непригодные условия военной жизни демонстрируют и берегают образцы человеческой стойкости. Значимые эпизоды семейных родословных передаются из поколения в поколение, выполняя телеологическую и суггестивную функции. *От бабушки я узнал, как немцы его расстреливали. Его отделение было послано в разведку. Зашли они в село, спросили, есть ли немцы. Местные жители ответили, что нет. Они и расслабились, выпили, покушали да и заснули. Проснулись от яркого света и лающей немецкой речи, их вывели во двор, заставили выкопать братскую могилу, поставили на край и дали залп. Дед очнулся уже в яме. Сверху лежали убитые товарищи, слегка присыпанные землей, он выбрался и дошел до своей части* (Г. Л. Жилкин).

В отличие от фрагментов-описаний микронарративы семейного родословия, посвящаемые войне, содержат мало метафор, да и фразеологизмы используются без трансформаций, самые ожидаемые и частотные. Рассказчику не до орнамента речи, но тем сильнее становится воздействующий эффект микрорассказа. *Когда началась Великая Отечественная война, его забрали в трудовую. В городе Воткинске, в Удмуртии, он строил военные заводы. Люди там умирали, как мухи. Корм выдавали только на лошадей, а так как он был извозчиком, то лишь благодаря им и выжил* (Т. А. Пожитная). *Когда началась война, дедушке Ивану было 17 лет, и он доставлял повестки из военкомата в сельский совет. Однажды вместо повесток был дан список с фамилиями. Дедушка и дописал обидчика-бригадира в этот список. И отправился бригадир воевать теперь уже с врагами внешними, с внутренними он воевал с успехом* (О. Бондарь).

Точность изложения фактов в микронарративах поддерживается локальной привязкой сюжета, отсюда наличие в повествовании, а иногда и обилие топонимов. *Дедушка так и говорил: «Моя война» уместилась вся в какую-то тысячу километров. Сначала отходили, оставляя Крым, Кубань, потом возвращались от Гойтхского перевала, что закрывал дорогу фашистам в Закавказье, до Новороссийска через станции Горячий Ключ, Северскую...* (М. Полякова).

Тематика микронарративов в родословных представлена определённым набором не только фразеологизмов, но и паремий, но при этом они отражают трагический опыт самого повествователя, вплетаясь в прямую или косвенную речь героя повествования, как в следующем отрывке. *Моя война, – говорил дедушка, – была тихая и незаметная. Чем тише, тем лучше. А если вдруг среди этой тишины огонь и грохот, то всё, отвоевался соколик. Когда говорят, что минёр ошибается один раз, то это правда, это про нас* (М. Полякова).

События, которые зачастую должны восприниматься негативно, в текстах семейного родословия, подчас, напротив, положительно сказываются на судьбе героя. Так, например, оккупация, могла обернуться не гибелью, а спасением жизни родственника. *Таким образом, деревня, в которой жила Анна, попала в оккупацию.*

Прабабушка хотела уйти в эвакуацию с детьми, но войска наступали очень быстро, и они не успели. Что, возможно, их спасло, так как в оккупации с ними обращались очень хорошо. В их деревне был развернут госпиталь, Анну Николаевну взяли на работу (А. Стародубцев).

Война вторгалась в человеческую жизнь без предупреждения. Между тем восстановление после войны, после пережитых катаклизмов привычного уклада жизни, описывается подчёркнуто буднично, обыденно. Так, одна лишь фраза: *а затем бабуля снова пошла в школу* возвращает все на круги своя. *Пятого июля начались бомбежки. Родное село, где жила бабушка бомбили до обеда, а после обеда бомбили лес. Шестого июля в селе стояла тишина, так как все люди сидели в окопах и погребах. Затем по селу проехали мотоциклисты, танки, машины и все сплошным потоком. Потом стали вводить новые порядки. Детям давали спецпропуска. И все это длилось семь месяцев, а затем бабуля снова пошла в школу (О. Ревчук).*

Выводы

1. В результате анализа концептосферы нарративной части семейного родословия был выявлен ряд широко представленных и регулярно вербализуемых концептов, обладающих жанрообразующими свойствами. Это регулярно вербализуемые концепты: «праздник (в семье)», «знакомство» (будущих супругов), «имя (история имянаречения)» и нек.др. В таких концептах заложен нарративный потенциал: описание праздника перерастает в рассказ о конкретном праздновании, факт знакомства раскрывается как микросюжет, микронарратив;

2. Вместе с тем в корпусе семейного родословия, помимо позитивных концептов, значительное место занимают исторически обусловленные «негативные», трагические концепты: «раскулачивание», «голодомор», «война»;

3. Именно жанр семейных родословных в своих микронарративах сохраняет уникальные свидетельства и даёт комплексную, правдивую оценку такого периода отечественной истории, как раскулачивание. Скупость, строгость изложения фактов усиливают впечатление трагичности историй о раскулачивании. В языковой призма это проявляется в регулярном использовании фразеологизмов: *трудились от зари до зари, трудились от мала до велика, нажито своим трудом* – и слов-характеристик: *рабочая (семья), труженики*;

4. Концепт «голод», отражающий роковые повороты истории страны в тридцатых годах (концепты «голодомор», «раскулачивание»), в годы войны («блокада», «концлагерь») и в голодные послевоенные годы (голод 1946 г., голод 1949 г.), занимает особое место в повествованиях о судьбе рода и семьи. Этот концепт глубоко проник в сознание членов социума – потомков переживших голод, и семейные родословные, как оказалось, надёжно хранят скупые свидетельства пережитого. В языковом плане авторами используется, прежде всего, «фигура» умолчания, отражающая вынужденное умолчание – отсутствие описаний и рассуждений при скупой фактографии;

5. Исследуемый материал микронарративов, объединённый концептом «война», характеризуется и типичными, и уникальными повествованиями, что в совокупности создаёт макроэффект восприятия концепта в целом, чем и значим как сбор самого материала, так и детальное его рассмотрение;

6. Полагаем, что наряду с художественным дискурсом, отражающим столь исторически памятные концепты, как «раскулачивание», «колхоз», «война», необходимо сбережение родословного дискурса, дающего более полную, правдивую, многоотечную картину, в том числе картину исторических событий, отразившихся в судьбе семьи, повлиявших на судьбы конкретных людей и на судьбу страны в целом. При насыщенности, обилии исследуемого материала такой анализ нарративных фрагментов в перспективе может обогатить как отечественную лингвокогнитологию, так и лингвокультурологию.

Список литературы

1. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3 – 9.
2. Кушнер О. Н. Эволюция русской концептосферы на рубеже XX XXI вв.: вопросы динамической лингвокультурологии: Дис. д-ра филол. наук. – Тверь, 2013. – 407 с.
3. Харченко В. К. Культуротворческий потенциал семейных родословных // Проблемы русского и общего языкознания. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – С. 126 – 132.
4. Харченко В. К. Концепты: исчезнувшие, исчезающие, не существовавшие // Colloquium – 2007. – Bergamo -Belgorod, 2007. – С. 206 – 220.
5. Харченко В. К. «Музейная лингвистика» и семейные родословные: точки сопряжения // Актуальные проблемы науки и гуманитарного образования. – М.: Изд-во Русско-американского института, 2009. – С. 229 – 234.
6. Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных. Дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2005. – 195 с.
7. Павлова А. А. Концептосфера внутрисемейных родословных. Дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2004. – 200 с.
8. Хроленко А. Т. История филологии: Учебное пособие: – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 136 с.
9. Харченко В. К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы: В 2-х томах. – М.–Белгород: Изд-во БелГУ, 2003.– Т.1. – 305 с.; Т.2. – 314 с.
10. Харченко В. К. Личный архив семейных родословных: В 30-ти томах. – Белгород, 2013.
11. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
12. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005. – 544 с.

THE CONCEPTS OF NARRATIVE PART OF GENEALOGIES

V. K. Kharchenko
A. A. Sapfonova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru
sapfonova@bsu.edu.ru

The peculiarity of genealogies' conceptsphere in the narrative contexts and micronarratives is characterized. Using the texts of compositions the representation of concepts "introduction", "holiday", "dispossession of kulaks", "war" are described. The general genreformed features of genealogies' narrative in identified

Keywords: concept, conceptsphere, narrative, war, kolkhoz, dispossession of kulaks.